

*А. Г. Тепляков**

К портрету Нестора Каландаришвили (1876–1922): уголовник-авантюрист, партизан и красный командир

Статья посвящена актуальным проблемам биографии видного исторического деятеля советской Сибири и Дальнего Востока – партизана и военачальника Н. А. Каландаришвили. Жизнеописание этой харизматической личности до сих пор опирается на живучие исторические мифы и далеко от реальности. На основе выявленных в центральных и местных архивах документов автором реконструирована основная канва подлинной биографии Каландаришвили. Доказана фальсификация многих сведений о жизненном пути этого революционера и партизана, скрывавшего криминальные аспекты своей как дореволюционной, так и послереволюционной биографии. Отдельно показана роль Каландаришвили в деятельности Коминтерна на Дальнем Востоке. Жизнеописание Н. А. Каландаришвили дает обширный материал о практиках выживания и адаптации лиц с уголовными наклонностями, позволявшими им в обстановке гражданской войны делать примечательные карьеры.

Ключевые слова: Каландаришвили, Шумяцкий, криминал, Восточная Сибирь, Дальний Восток, Красная гвардия, анархисты, партизаны, красный террор, белый террор, корейцы

Формально биография известнейшего восточносибирского революционера и партизана Нестора Александровича Каландаришвили (1876–1922) известна¹, но при изучении архивных документов и мемуаров в ней обнаруживается слишком много эпизодов, которых советские авторы не касались или излагали предвзято. Между тем истинный облик легендарного революционера и партизана Каландаришвили весьма далек от того благообразия, которое было создано в советское время. Ряд новейших публикаций обратил внимание на непарадные эпизоды биографии «Дедушки», как звали своего вожака партизаны². Опираясь на мнение еще С. П. Мельгунова³, некоторые современные авторы, говоря об изобилии во многих партизанских отрядах анархических деклассированных элементов бандитского типа, деятельность которых носила откровенно погромный характер, относят главарей склада Н. А. Каландаришвили, Г. Ф. Рогова, В. П. Шевелева-Лубкова к «типичным бандитам»⁴. Задача настоящей статьи – обратить внимание на неизвестные в литературе факты, которые показывают истинный облик авантюриста периода гражданской войны и снимают покров мифологизации с давно канонизированной исторической личности.

Первый биограф Каландаришвили – краевед В. Е. Кожевин – собрал ценные свидетельства о своем герое, в том числе мемуарные, но его книга носит апологетический характер. В частности, многие эпизоды Кожевин толкует на основании автобиографии Каландаришвили из РГАСПИ, в которой тот, расписывая свои революционные и боевые подвиги, весьма мало заботился об исторической правде. Между тем известные факты рисуют молодого Нестора человеком, который долго искал свое место в жизни, сделав в итоге выбор в пользу преимущественно криминального существования. Вообще о фигуре типичного русского революционера современные историки говорят без пиетета, подчеркивая специфическую маргинальность этого распространенного в России начала XX в.

* **Тепляков Алексей Георгиевич** – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт истории Сибирского Отделения РАН; доцент, Новосибирский государственный университет экономики и управления. E-mail: teplyakov-alexey@rambler.ru

¹ См.: *Церетели М. В.* Народный герой Нестор Каландаришвили: Воспоминания соратника. Тбилиси, 1965; *Кожевин В. Е.* Легендарный партизан Сибири. Улан-Удэ, 1967.

² *Сысоев А. А.* Уголовный сыск в Восточной Сибири в 1730–1917 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2004; *Тепляков А. Г.* Каландаришвили Нестор Александрович // *Вожаки и лидеры Смуты. 1918–1922 гг.* Биографические материалы / Сост. и ред. А. В. Посадский. М., 2017. С. 410–413.

³ *Мельгунов С. П.* Трагедия адмирала Колчака. Т. 2. М., 2004. С. 159.

⁴ *Циндик А. А.* Историк С. П. Мельгунов о репрессивной политике адмирала А. В. Колчака // *Гражданская война в Сибири: Материалы Всерос. заочн. научно-практич. конф.* Омск, 2013. С. 155.

типа: «Подполье было цинично, довольно безразлично к людским судьбам и жизням, широко пользовалось манипуляциями, провокацией, ложью, демагогией. За всем этим стояли специфические корыстные корпоративные интересы профессиональных революционеров»⁵. Наш герой относился к тому типу бунтарей, который бравировал беспринципностью и в периоды затухания революционных беспорядков использовал свои незаурядные способности в чисто криминальных занятиях.

Нестор Каландаришвили родился в дворянской грузинской семье, учился в гимназии и семинарии, служил в армии, с 1900 г. был эсером, пять лет спустя стал социал-демократом, а в 1907 г. примкнул к анархистам. Он участвовал в нападениях на полицию и экспроприациях, не раз арестовывался, совершал побег. Сначала ему пришлось покинуть Грузию, бросив жену и дочерей, а потом обменять Украину и Крым на Восточную Сибирь. Примечательно, что в Иркутске, где Каландаришвили жил с конца 1908 г., он поселился легально, под своей фамилией, поскольку его товарищи выкупили у грузинских жандармов дело с обвинительными материалами. В итоге после поражения Первой русской революции грузинский боевик осел в Иркутске, занимаясь актерским ремеслом и фотографией, одновременно найдя себя в роли «крестного отца» многочисленной грузинской диаспоры, тесно связанной с местным криминальным миром. Периодически его арестовывали по уголовным обвинениям, за «буйный характер» переводя в карцер, но Каландаришвили, благодаря круговой поруке товарищей-арестантов, неизменно оказывался на свободе за недостатком улик. В общей сложности он провел в заключении в 1910, 1911–1912 и 1913–1914 гг. около двух с половиной лет по чисто уголовным обвинениям, позднее приписав себе попытку организовать убийство иркутского губернатора. Однако, как сообщал Кожевину будущий глава правительства ДВР П. М. Никифоров, Каландаришвили вел с ним о покушении только разговоры⁶.

Большевистские авторы деликатно писали, что «кристаллически честный» Каландаришвили «как идеалист, всегда носился с к[акой]-н[ибудь] “моральной идеей” в роде проекта “договора чести” с иркутскими ворами “на предмет перехода их к честному труду”»⁷. Однако в полицейских архивах сохранились сведения не о его революционной работе и «морализации» уголовников, а о мошеннических подлогах и о том, как в конце 1913 г. авторитетный Каландаришвили получил заказ на устранение местного купца Я. Е. Метелева. «Гурийская шайка» кавказцев, которой досталась толика от полученных Каландаришвили 5 тыс. руб., провалила поручение: тяжело раненый купец выжил. Покушавшиеся оказались в тюрьме, но не выдали своего предводителя. Затем была большая работа по организации чеканки низкопробных серебряных монет и поиску граверов. Создание подпольной фабрики фальшивомонетчиков сорвала полиция, но главного организатора вновь никто не выдал⁸. Выйдя из иркутской тюрьмы осенью 1914 г., Каландаришвили, даже по признанию официального биографа, не занимался никакой революционной борьбой. Но когда наступил 1917 год, а с ним – грандиозные возможности для всех, кого увлекло переустройство общества на новых началах, анархист Каландаришвили вспомнил о своих ультра-революционных идеях и нашел массу единомышленников.

Нестор Александрович не участвовал в событиях Февраля, но массовая амнистия и атмосфера безграничной свободы дали возможность анархисту проявить лидерские качества уже совершенно легально. В декабре 1917 г. он создал красногвардейский отряд из 60 бойцов, ядром которого стал десяток земляков во главе с особо приближенным к «Деду» его родственником М. П. Асатиани. Отряд сразу же после формирования участвовал в кровавом подавлении юнкерского мятежа. Кожевину признавал, что Каландаришвили не слушал приказов вышестоящих инстанций и самовольно «экспроприировал» имущество

⁵ Эдельман О. Сталин, Коба и Сосо. Молодой Сталин в исторических источниках. М., 2016. С. 118–119.

⁶ Кожевину В. Е. Легендарный партизан Сибири... С. 16, 20–23.

⁷ Сибирская Советская энциклопедия. Новосибирск, 1931. Т. 2. Ст. 454.

⁸ Сысоев А. А. Уголовная преступность в Восточной Сибири в начале XX века: становление организованных структур // Силловые структуры России: страницы истории. Иркутск, 2006. С. 98.

«буржуев». Его мародерский отряд быстро рос, включив часть шахтеров-анархистов из Черемхово. Как еще в середине 1970-х гг. отмечала И. В. Павлова, в черемховском отряде оказалось «много уголовных элементов», а во время подавления мятежа юнкеров в Иркутске черемховские и иркутские красногвардейцы допустили случаи мародерства⁹. В феврале 1918 г. по указанию Иркутского Совета Каландаришвили сделал свой отряд кавалерийским и вскоре под давлением властей был вынужден удалить из него часть уголовников¹⁰. Однако в целом дивизион «Деда» остался криминализированным (командиром одного из эскадронов был кавказский террорист-грабитель Амзор Караев), что честно признавали его участники. Характеризуя свой отряд черемховских рабочих, один из его командиров, П. Ф. Попов, в 1934 г. признавал: «Правда, была часть уголовников. Я считаю, что мы не найдем ни одного отряда красногвардейцев, в котором не было бы уголовного элемента, [который] шел в отряды для приобретения оружия ... легкого обогащения, легкой наживы»¹¹. Попов, отвечая на обвинения в адрес Нестора Александровича, тогда же приводил такие неотразимые аргументы: «Говорят – бандит, грабитель. Если бы Каландаришвили¹² был грабителем, то он был бы уголовником, и тогда он не был бы назначен советским правительством инспектором кавалерии на Дальнем Востоке. Что же, разве бандитов назначает у нас советское правительство на ответственные посты, на ответственные операции?»¹³.

Возглавляемый «Дедом» 1-й Иркутский кавдивизион анархистов-коммунистов-интернационалистов имел знамя, украшенное ленинским лозунгом: «Грабь награбленное». С 1920 г. Каландаришвили воевал под официально признанным большевистской властью черно-красным знаменем, на верхней красной части которого была надпись: «Весь мир насилия мы разрушим», а на нижней черной красовались белые череп со скрещенными костями¹⁴.

В апреле 1918 г. дивизион «Деда» из 600–700 всадников был отправлен на восток для борьбы с атаманом Г. М. Семеновым. Нанеся серьезные потери семеновцам, анархисты «Деда» разграбили Цугульский дацан, и в итоге их численность из-за боевых потерь и дезертирства уменьшилась до 400 человек. Дальнейшие события, связанные с мятежом чехословацкого легиона и согласованными действиями легионеров, поддержанных белыми частями, быстро организовавшимися из офицерских заговорщиков-повстанцев, застали сибирских большевиков врасплох. В Иркутске перед оставлением города царила паника. Один из красногвардейских командиров вспоминал: «Все бегали, все суетились, сталкивались лбами, как бараны, звенели шпоры и раздувались галифе, но толку ... не было ни на грош»¹⁵.

В этой нервной атмосфере родилась идея уничтожения Иркутска, и в июле 1918 г. власти Центросибири перед отступлением решили взорвать основные сооружения и здания города, поручив это подрывникам отряда Каландаришвили. Но в итоге иркутские большевики настояли «в интересах трудящихся города не производить разрушений в Иркутске ...»¹⁶ Каландаришвили руководил одной из двух дивизий, отступавших из Иркутска, войдя в штаб Прибайкальского фронта, который возглавил П. К. Голиков. Его анархическая самостоятельность здесь достигла предела: «Дед» мог нецензурной бранью и угрозой расправы ответить на распоряжение начштаба Забайкальского фронта, а его воинство отли-

⁹ Павлова И. В. Красная гвардия в период установления советской власти в Сибири // Рабочие Сибири в борьбе за социалистическую революцию и построение социализма: Сб. науч. трудов. Новосибирск, 1976. Вып. 2. С. 40.

¹⁰ Кожевин В. Е. Легендарный партизан Сибири... С. 32–33.

¹¹ Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. П-5. Оп. 2. Д. 1331. Л. 63.

¹² Здесь и ниже: сохранены грамматические и стилистические особенности цитируемых текстов.

¹³ ГАНО. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 1331. Л. 68. Между тем пример Г. И. Котовского наглядно свидетельствовал о назначении видных уголовников на не менее видные военные посты.

¹⁴ Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 221. Оп. 1. Д. 369. Л. 125–125 об.

¹⁵ ГАНО. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 776. Л. 108.

¹⁶ Рябиков В. В. Иркутск – столица революционной Сибири. Иркутск, 1957. С. 159.

чалось такой склонностью к мародерству¹⁷, что, как отмечал П. Ф. Попов, при приближении красногвардейцев к селам крестьяне обычно «бежали от нас, как от банды»¹⁸. Понеся огромные потери в боях под станциями Култук и Слюдянка, Каландаришвили, командуя конниками, быстро отступал и вскоре настоял на организации глубоко в тылу Троицкосавского фронта, наскоро слепленного из анархических частей «Деда», Д. М. Третьякова, Ф. П. Лаврова и других вожаков, которые в июле 1919 г. поняли бесперспективность сопротивления белочешским войскам и не соглашались идти к Чите, чтобы там организовать крепкую оборону.

Есть версия, что в первой половине августа 1918 г. анархисты во главе с Ф. Лавровым, А. Караевым, Е. Пережогиным планировали арестовать коммунистов и захватить золотой запас Центросибири. В ответственный момент главком П. К. Голиков оказался пьян и руководил подавлением мятежа сам глава Центросибири Н. Н. Яковлев¹⁹. Верные ему части арестовали бунтовщиков (Пережогин смог бежать и вскоре был убит за неподчинение). После этого отряды Лаврова и Караева были перемещены в район Троицкосавска. К Селенгинску выдвинулись отряды Каландаришвили и Третьякова, которые оттуда также направлялись к Троицкосавску. Таким образом, анархистская половина красногвардейских войск фактически была убрана либо дезертировала с фронта, что полностью отвечало интересам этой вольницы, образовавшей на линии Селенгинск–Троицкосавск свой собственный фронт, не ведший активных действий²⁰.

Спешно отступив к Троицкосавску, каландаришвили и лавровцы избавили себя от опасности: в то время войска Центросибири откатывались на восток со скоростью 50 верст в сутки. Анархистское воинство не желало складывать в боях свои головы, стремились побольше награть и скрыться за границу. Так, А. Караев предпочел сдать свой эскадрон Семенову и выкупить свободу, отдав атаману часть награбленного золота Центросибири. Подобным образом поступил и Троицкосавский совет, сбежав со всеми немалыми ценностями в Монголию.

На пути к Троицкосавску Н. А. Каландаришвили (отметим, что и свои, и белые обычно называли его сокращенно-упрощенной фамилией Карандашвили; среди белых и крестьянского населения была также в ходу кличка «Карандаш»)²¹ активно мародерствовал, награбив у бурят и казаков массу золота, серебра и царских ассигнаций. Мемуарист из отряда «Карандаша», живописуя его рывки по забайкальским степям, обвинял во всех проблемах именно криминальную часть остатков красного войска: «...Настроение здесь резко изменилось ... появилось мародерство. Это было влияние уголовников ... они стремились пойти назад, попасть к белым, это влияние уголовников выражается также в недоверии руководству. Были течения уйти из отряда, что неправильно нас ведут и т. д. Возьмите вы [временный] арест, если можно так выразиться, Третьякова, Третьяковой²², Блюменфельда ... Говорили, что [С. С.] Блюменфельд забрал деньги и решил бежать из отряда ... Получилась волынка в ночь: я был на заставе с пулеметом “Кольт”. Появилась группа всадников ... это были свои. Они сообщили, что Блюменфельд забрал деньги и хотел бежать. Побежали туда. Там шум, гам, крики – здесь уже появилось желание отобрать деньги и разделить. Некоторым были розданы облигации. На почве этих облигаций поднялась буза: а

¹⁷ Познанский В. С. Очерки истории вооруженной борьбы Советской Сибири с контрреволюцией в 1917–1918 гг. Новосибирск, 1973. С. 246, 143–146.

¹⁸ ГАНУ. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 1331. Л. 72.

¹⁹ Партизаны Прибайкалья: воспоминания участников гражданской войны в Бурят-Монголии. Улан-Удэ, 1957. С. 24.

²⁰ Познанский В. С. Очерки истории... С. 245; Штырбул А. А. Анархистское движение в Сибири в 1-й четверти XX века: Антигосударственный бунт и негосударственная самоорганизация трудящихся: теория и практика. Омск, 1996. С. 15.

²¹ Ефимов А. Г. Ижевцы и воткинцы. Борьба с большевиками 1918–1920. М., 2008. С. 305–306.

²² Жена Д. Третьякова; была начальницей саперной команды (РГВА. Ф. 28361. Оп. 2. Д. 43. Л. 22).

Николаевские [ассигнации] кому? А з[о]лото кому? Вот каково было влияние уголовников»²³.

Аналогично действовали, торгуясь друг другом и думая лишь о разделе награбленного, в соседнем отряде Ф. П. Лаврова. По пути к Селенгинску Лавров похитил у бурят (вероятно, в каком-либо дацане – по сообщениям прессы, 26 августа Лавров ограбил на два млн рублей Гусиноозерский дацан²⁴) шесть пудов золота и смертельно рассорился с «Каландашом», который рассчитывал на свою долю, но остался ни с чем. Как вспоминал Витман, один из мажар отряда Лаврова, «Каландашвили сказал, что он нам отомстит за золото, а потому мы сняли [орудийные] замки с [пушек] парохода, на котором он уехал. Первый наш пароход прибыл на пристань Кяхта, но [каландаришвилицы] нам не дают подойти к берегу. Видим, что делать нечего, мы посылаем четыре человека на берег, где их и арестовали ... В 5 часов утра мы подошли за 5 верст к пристани Кяхта, где нам наш патруль сообщил, что Каландашвили строит фронт против нас ... У нас было 32 пулемета и мы решили драться до конца. Когда мы стали наступать на Каландашвили, то он стал отступать, но на 450 шагов мы остановились. Мы не знали, как быть: стрелять или нет. Ну, мы повели мирные переговоры и решили идти вместе ... в Троицко-Сяск, но Каландашвили решил не идти в Троицко-Сяск, но просил, чтобы мы ему отдали замки, [но] так как мы ему не верили, что он нас не предаст, то мы отказали»²⁵.

В итоге отряд Лаврова, где преобладали мажары, решил поделить награбленное золото, а оружие сдать китайцам, контролировавшим границу с Монголией у Кяхты, и так уйти от белых: «У нас были такие ребята, которые говорили, что нужно разделить золото и каждый получит по 10 фунтов. Лавров устроил собрание, и [видный мажарский командир] Форбат его арестовал. Форбат говорил, что нужно отдать оружие, а Лавров говорит, что не нужно, к нам скоро придут наши товарищи и мы продвинемся вместе с ними. Но оказалось, что приближается Семенов ... Сами мы тоже не соображали. Мы думали, что нужно разделить золото». В итоге большой отряд сдался семеновцам, которых было всего 70 человек с одним пулеметом²⁶. Лавров бежал из-под ареста, но был вскоре, 16 сентября, схвачен отрядниками Каландаришвили, которые сначала, согласно приказу своего командира, планировали судить его трибуналом. Однако почти сразу один из артиллеристов, мстивший за снятые лавровцами замки пушек своего парохода, пристрелил пленника: «отомстил ему, когда переходили речку, то он убил Лаврова». Как подытожил мажар-мемуарист, «с Лавровым некогда было возиться»²⁷.

С 27 августа 1918 г. начался поход отряда Каландаришвили от Усть-Кяхты к Тунке. Поскольку в Тункинской долине обитали враждебные красным казаки (мемуары партизан говорят, что офицеров в казачьих станицах они расстреливали²⁸), то «Дед» решил пробиваться оттуда в Монголию, а несогласные с этим Блюменфельд и Лебедев увели свои подразделения к Иркутску и были быстро ликвидированы белыми. Затем часть партизан не решилась идти через ущелья Саянского хребта и тоже отделилась. Когда 400 партизан из отряда Каландаришвили в октябре 1918 г. вышли из тайги в Голуметской волости на юге Черемховского уезда и сдались, они за многочисленные «насилия над мирным населением» подлежали военному суду, но управляющий Иркутской губернии П. Д. Яковлев передал их дела в следственную комиссию, которая освободила молодежь и тех, за кого были формальные ручательства. Только когда Яковлева в августе 1919 г. вызвали в Омск, военным удалось взять реванш и казнить 27 наиболее отъявленных разбойников из партизан

²³ ГАНО. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 1331. Л. 64–65.

²⁴ Штырбул А. А. Пережогин, Караев, Лавров и другие: анархо-партизанщина в Сибири в начальный период Гражданской войны (весна-лето 1918 г.) // «Атаманщина» и «партизанщина» в гражданской войне: идеология, военное участие, кадры: Сб. статей и материалов. М., 2015. С. 73.

²⁵ РГВА. Ф. 28361. Оп. 2. Д. 6. Л. 4.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же. Д. 43. Л. 23; Д. 6. Л. 9.

²⁸ Там же. Д. 43. Л. 24.

Каландаришвили²⁹, включая несколько командиров. К исходу ноября у села Инга близ Усолья-Сибирского отряд есаула И. Н. Красильникова разбил последнюю крупную группу отряда «Карандаша», пленив около 100 бойцов³⁰. От примерно двухтысячного отряда Каландаришвили осталось 70 человек, остальные разбежались, сдались, погибли или были выловлены казаками и белыми. 26 ноября «Дедушка» распустил свой отряд, выдав каждому по 9 тыс. еще весомых царских рублей.

Через белые заслоны к Иркутску пробрались только сам Каландаришвили и несколько его ближайших соратников. На ст. Иннокентьевская Каландаришвили купил двухэтажный дом, играя роль обывателя и принимая личины священника, купца либо землемера. Версии о его огромной армии, действовавшей в тайге, усердно распространялись иркутским подпольем, которое, впрочем, имело с «Дедом» минимум контактов. В своей автобиографии «Дед» рассказывал, как смог после окончательного разгрома разбросать мелкие отряды по всей Иркутской губернии³¹, что было выдумкой. Весной 1919 г., как убедился один из интернационалистов-связников, отряд Каландаришвили насчитывал семь человек, в то время как в Иркутске говорили, что у «Деда» воюют две тысячи бойцов³². По общепринятой версии, к апрелю 1919 г. «Карандаш» вновь собрал небольшой партизанский отряд в 60–100 человек. Летом партизаны Каландаришвили якобы взорвали несколько мостов, пустили под откос восемь эшелонов, что представляется большим преувеличением. В сентябре они попытались поддержать восстание заключенных пересыльной тюрьмы Александровского централа, не выдержавших голодного пайка и тифозной эпидемии. В ходе восстания 12 сентября 1919 г. из централа вырвалось 420 арестантов (по другим данным, 580 и 109 солдат-охранников), однако уже в ближайшие дни многие беглецы, действовавшие разрозненными группами, были перебиты белыми, а до 150 оказались в плену³³. Возможно, в отместку за этот налет в октябре 1919 г. в Иркутской тюрьме и были расстреляны вышеупомянутые 27 партизан «Карандаша», включая командиров эскадрона, роты и пулеметной команды, ранее осужденных к вечной каторге.

В сентябре того же 1919 г. отряд Каландаришвили, не сумевший получить существенного пополнения за счет беглецов централа и отступивший в Ангарский район, был разбит и ушел на 500 километров в тайгу, до самой Лены, сохранив к декабрю лишь примерно сотню бойцов. Однако катастрофа Белого движения к этому времени позволила отряду стремительно разрастись и начать успешное наступление на Иркутск, образовав Иркутский партизанский фронт в составе отрядов Н. А. Каландаришвили, К. К. Байкалова и Мишарина, имевших до 2000 бойцов. С момента захвата власти на заметной части Иркутской губернии Каландаришвили немедленно вступил в конфликт с другими партизанскими вожаками. Чрезвычайное заседание пленума Временного Центрального Военно-Революционного Совета Северо-Восточного края Сибири (председатель – В. К. Брум) 28 декабря 1919 г. по телеграмме главкома Северо-Восточного фронта Д. Е. Зверева о самочинном провозглашении Каландаришвили себя верховным главнокомандующим всеми вооруженными красноармейскими силами Сибири, взимании им контрибуций с населения, бесконтрольном расходовании «захваченных народных богатств и достояний» постановило считать действия его анархизмом и приказало главкому Звереву срочно и решительно разоружить Каландаришвили³⁴.

²⁹ Центральный архив ФСБ России (ЦА ФСБ). Д. Р-45369. Т. 1. С. 37, 95, 100; Т. 2. Л. 27.

³⁰ Кожевин В. Е. Легендарный партизан Сибири... С. 56–75.

³¹ Там же. С. 76.

³² РГВА. Ф. 28361. Оп. 2. Д. 6. Л. 7.

³³ Звягин С. П. Освобождение из мест заключения во время гражданской войны: практика антибольшевистских режимов на территории Восточной Сибири (середина 1918 – 1919 г.) // Политические системы и режимы на востоке России в период революции и гражданской войны: Сб. науч. статей. Новосибирск, 2013. Вып. 2. С. 158; Кожевин В. Е. Легендарный партизан Сибири... С. 93.

³⁴ ГАНО. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 1291. Л. 1–2.

Однако Верхотенский уездный совет уже 3 января 1920 г., зная о значительных силах «Карандаша», заявил, что такое разоружение «недопустимо с точки зрения стратегических и политических соображений» и потребовал отменить приказ, так как армия Каландаришвили уже подходит к Иркутску: «Просим не вносить раздора в единую советскую семью накануне образования советского правительства в Иркутске». Одновременно уездный совет, не желая двоевластия, попросил партизанский Центросовет и Зверева «воздержаться от всяких организационных реформ по созданию административных районных органов[,] предоставив это право местным военно-революционным Советам, которые учтут положение, так как этого требует местная особенность; распоряжения Центросовета вносит такой сумбур в организационную местную работу, в котором трудно разобраться...» А Качугский ревком примерно тогда же отписал Центросовету, что обвинения в адрес Каландаришвили неправильны, поэтому его разоружение и будет «анархическим действием»³⁵.

Безобразия партизан в отношении аборигенного населения, а также иностранцев вызвали у советских властей большие претензии. В январе 1920 г. представители бурятских ревкомов жаловались на незаконные реквизиции партизан Каландаришвили в Хоготском хошуне. А один из бандитов «Карандаша» в Иркутске прямо на улице убил адъютанта официального представителя Чехословакии, каковой эпизод глава ревкома А. А. Ширямов назвал в мемуарах «дикой выходкой»³⁶. Бесконтрольные анархистские действия и насилия по отношению к крестьянам привели к тому, что в феврале 1920 г. Сибревком выдал мандат военному следователю трибунала 5-й армии при 30-й дивизии Н. Фельдману для «расследования по делу отряда Каландаришвили»³⁷, но «Дедушке», который формально признал подчинение вышестоящим инстанциям, все сошло с рук, поскольку его многочисленное войско было остро необходимо большевикам для военно-полицейских функций.

Зато «анархические действия» бойцов «Карандаша» в отношении пленных белых совершенно не волновали большевиков. Генерал Н. Храбров в мемуарах «Судьба или случайность» писал о событиях начала 1920 г.: «Ехать на станцию [Нижнеудинск], где “Каландаришвили вешает всех генералов”, было жутко»³⁸. Незавидной была судьба и добровольно сдавшихся. А. Ф. Пучков писал, как от его соединения неожиданно откололась и «ушла [сдаваться] в Нижне-Удинск конно-разведческая команда 30-го Аксинского полка, во главе с прапорщиком Н ... Впоследствии один из стрелков ... случайно застрявший в Нижне-Удинске, догнав свою часть, рассказал, что несчастных обезоруженных разведчиков водили раздетыми до белья по улицам города для общего посмеяния и издевательства. Не трудно себе представить, какая судьба постигла их в дальнейшем»³⁹.

В следующие недели отряд Каландаришвили успешно преследовал каппелевцев, затем вернулся в Иркутск. Партизанские самостоятельные отряды «Деда» и Н. А. Бурлова в марте 1920 г. были переброшены, вместе с 1-й Иркутской дивизией, в Забайкалье на борьбу с Г. М. Семеновым, став основой (несмотря на скорый полный разгром бригады Бурлова) будущей Народно-Революционной армии (НРА) ДВР⁴⁰. В тяжелом Гонготском бою семеновцы вместе с японцами нанесли красным большие потери, а сам «Карандаш» получил тяжелое ранение и надолго выбыл из строя. В начале сентября 1920 г. он прибыл в Москву в качестве начальника караула китайской делегации и получил аудиенцию у Ленина, чем укрепил свое положение.

Вернувшись в Сибирь, в октябре 1920 г. Каландаришвили участвовал в захвате Читы и ликвидации так называемой «семеновской пробки», в ходе чего его отряд привычно об-

³⁵ ГАНО. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 1291. Л. 3, 4.

³⁶ Борьба за Урал и Сибирь. Воспоминания и статьи участников борьбы с учредилкой и колчаковской контрреволюцией. М.-Л., 1926. С. 297.

³⁷ ГАНО. Ф. П-5. Оп. 4. Д. 1390. Л. 3.

³⁸ Балмасов С. С. Красный террор на востоке России в 1918–1922 гг. М., 2006. С. 253, 261.

³⁹ Пучков Ф. А. 8-я Камская стрелковая дивизия в Сибирском ледяном походе // Вестник первоходника. Май 1965 – январь 1966. № 44–52.

⁴⁰ Шерешевский Б. М. Разгром семеновщины (апрель-ноябрь 1920 г.). Новосибирск, 1966. С. 98.

рушился на бурятское население, активно поддерживавшее белых. Например, Хамниган-Бурятский хошун Агинского аймака осенью 1920 г. был жесточайшим образом разгромлен партизанами: три его сомона полностью опустели, в двух других из 6 тыс. жителей осталось менее 200. Остальные бежали в Монголию, но многие оказались убиты, и их тела валялись непогребенными еще в марте 1921 г. В Бырцинском дацане и вокруг было подобрано более 70 трупов, в основном монахов, женщин и детей⁴¹. В конце 1920 г. каландаришвилицы не только грабили аборигенное население, но и насиловали бурятских женщин и девушек⁴². Командование наступавшей на Читу 5-й армии Восточного фронта обвиняло бывших партизан в подрыве Советской власти, ибо криминогенная обстановка в рядах участников этой герильи все время угрожала мирному населению⁴³. Тем не менее каких-либо официальных претензий к «Карандашу» военные власти выдвигать не стали. А в 1921 г. он был принят в ряды РКП(б) со стажем с 1917 г.

Вскоре Каландаришвили оказался в центре особенно крупного конфликта с международным оттенком. Когда осенью 1920 г. до четырех тысяч корейских партизан, воевавших с японскими колонизаторами, перешли из Северной Маньчжурии в Амурскую область, у лидера Дальневосточного секретариата Коминтерна Б. З. Шумяцкого созрел авантюрный план подготовки в Иркутске Корейской революционной армии и организации ее победоносного похода из Сибири через Маньчжурию в Корею. Он приступил к формированию в Иркутске центра корейского революционного движения под военным руководством Каландаришвили.

Основная часть перешедших в Россию мятежных корейцев ориентировалась на Иркутск, остальные – на свою революционную фракцию в Шанхае. При этом сепаратно настроенные «прошанхайские» партизанские вожаки особого Сахалинского партизанского отряда были активными участниками дикой резни населения в Сахалинской области и Николаевске-на-Амуре в 1919–1920 гг., являясь важным ударным отрядом террористической армии анархиста Я. И. Тряпицына. Вполне естественно, что, уйдя под натиском японской армии летом 1920 г. с низовьев Амура и расположившись в окрестностях Благовещенска, они привычным образом с помощью оружия решали и вопросы снабжения, и личные конфликты. Еще в конце июля 1920 г. главком НРА Г. Х. Эйхе и его помощник по политчасти В. Г. Бисярин приказали провести чистку корейско-китайского полка, среди бойцов и комсостава которого была отмечена «масса преступлений служебного и политического характера»⁴⁴. Эффективность подобных мер оказалась невелика. И попытки переподчинить корейцев мирным путем, как свидетельствует переписка советских военных и партийных властей, оказались безуспешными.

Главком Эйхе в январе 1921 г. выдал мандат члену корейской секции при Дальбюро ЦК РКП(б) и представителю Амурского обкома Корейской компартии Ивану Даниловичу Пак-Чан-Ыну для разрешения военных вопросов в корейских партизанских отрядах и по делам созыва в феврале партизанского съезда в Чите или Хабаровске – с правом отстранения командиров отрядов и «ареста лиц, оказывающих препятствие при разрешении им означенных вопросов»⁴⁵. Тогда же все члены корейской секции Дальбюро, а также командиры особого Сахалинского отряда Иннокентий Ким и Илья Пак «за их недисциплинированность в партийных работах» постановлением Дальне-Восточного секретариата ИККИ были лишены полномочий, причем Пак и Ким оказались на короткое время под следствием Амурского облотдела Госполитохраны (И. Пак обвинялся как ярый сторонник «авантюриста Тряпицына» и колчаковский контрразведчик, а И. Ким, бывший прапорщик рус-

⁴¹ Тумунов Ж. Хамниганы степной Аги // Забайкальский рабочий. 2006. 27 июня.

⁴² Кузьмин С. Л. История барона Унгерна: опыт реконструкции. М., 2011. С. 85.

⁴³ Исповедников Д. Ю. Публикации документов по истории Гражданской войны на Дальнем Востоке (1917–1923 гг.): источниковедческий и археографический аспекты. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 2015. С. 19.

⁴⁴ РГВА. Ф. 185. Оп. 6. Д. 24. Л. 601.

⁴⁵ Там же. Ф. 221. Оп. 1. Д. 376. Л. 4.

ской армии, ранее, в 1920 г. в Иркутске Особым отделом 5-й армии арестовывался за уклонение от службы в НРА и был освобожден на поруки⁴⁶).

Чрезвычайная Корейская военная конференция, прошедшая 11 марта 1921 г. в Чите под председательством Цой-Кван-Юна, представителя Кандонского партизанского отряда Ким-Квана и других, постановила отстранить командира особого Сахалинского отряда И. Кима и его военкома И. Пака с преданием их военно-полевому суду «за разложение полка». Им вменялись внесение сепаратизма в Николаевские роты и ссоры командования полка с рядовыми бойцами, а также доносы; они «не приостановили убийства самосудом Василия Пака, бывшего командира корейского отряда Николаевского района, совершенное партизанами-николаевцами». Ким и Пак, переходя с отрядом из г. Свободного в сельскую местность, «позволили стрелкам мародерничать и чинить насилия над мирными русскими крестьянами», которые в ответ озлобились, требуя разоружения корейских партизан и вооружения их, крестьян, для отпора корейцам. Также Ким и Пак, «создав группу безответственных террористов из числа николаевцев, наводили панику на солдат и лиц командного состава Корейского отдельного стрелкового батальона»⁴⁷.

Безвластие окончательно разложило дисциплину партизан, привыкших грабить и убивать мирное население при диктатуре Я. И. Тряпицына. В телеграмме Г. Х. Эйхе 23 апреля 1921 г., адресованной Б. З. Шумяцкому, главком НРА сообщал, что Сахалинский отряд из-за недостатка продуктов и «отсутствия соответствующего начальника отряда» восстал против себя местное население, «что грозит вылиться в открытое столкновение крестьян с корейцами». Отряд планировалось перевести в один из соседних районов. Эйхе просил ускорить выезд Каландаришвили «для урегулирования положения»⁴⁸. Однако «Дед» смог выехать только через месяц. Между тем, 8 мая 1921 г. комсостав Сахалинского отряда сообщал главкому НРА, что назначенный командующим корейскими частями О. Хамук неприемлем, поскольку в свое время, будучи комбатом, «порол народоармейцев». Подписавшие обращение начальник отряда Григорьев (бывший офицер, беспартийный), помощник начальника отряда Ким, военком Пак (бывший начальник Николаевского отряда), начштаба Цой (бывший начштаба 2-го летучего отряда), комбат-1 Лим, комбат-2 Анму, комбат-3 Хезаук и ряд командиров рот заявили о неподчинении О. Хамуку⁴⁹.

На следующий день Шумяцкий при переговорах с новым главкомом НРА А. Я. Лапиным сказал, что для успеха объединения корейских революционеров «необходимо убрать с дороги самых мерзких врагов». Тот ответил согласием: «Изъятие лиц будет произведено. Однако допускаю возможность некоторых неприятностей в отряде, подпавшим под влияние самовольного военного совета, как средство противоядия полагал бы уместным скорейшую присылку т. Каландарашвили, дабы не подвергать опасности распространить влияние разагитированного отряда на прибывающих от Вас»⁵⁰. А 10 мая Шумяцкий написал Лапину, что задача Каландаришвили и Ревсовета корейских частей – решить, каким образом «дисциплинировать эти разнузданные преступной демагогией Пак-Ая и других лишившихся денежных подачек авантюристов корейских частей или [все это] бесполезно и [их следует] распустить». Шумяцкий выражал уверенность, что «Дед» должен справиться, а Лапину в ближайшие дни пришлось разбираться с новыми жалобами населения на партизан особого Сахалинского отряда⁵¹.

Каландаришвили со своим штабом выехал из Иркутска 19 мая, получив назначение председателем Корейского Военно-Революционного Совета и пост главкома корейскими частями (О. Хамук стал заместителем главкома). Шумяцкий ставил ему широкие задачи:

⁴⁶ РГВА. Ф. 221. Оп. 1. Д. 376. Л. 41.

⁴⁷ Там же. Л. 51.

⁴⁸ Там же. Л. 62.

⁴⁹ Там же. Л. 69.

⁵⁰ Там же. Л. 70.

⁵¹ Там же. Л. 71, 76.

«Общая задача Карандашвили как можно скорей оторваться от буфера и сделать движение в сторону Кореи[,] актуально вовлекая и силы хунхузов. Руководство организацией последних ... возложено на Охолу[,] который будет его делать при посредстве Кит[айской] компартии. Задача хунхузских отрядов создать для кор[ейских] отрядов хоть некоторый тыл тогда[,] когда они оторвутся и перейдут за границу буфера». Эта интервенционистская операция планировалась в контексте закордонной борьбы с армией барона Р. Унгерна: Шумяцкий тогда же направил в Монголию для борьбы с Унгерном полутысячный отряд П. Е. Щетинкина⁵².

Главком Лапин представил 21 мая 1921 г. председателю правительства ДВР А. М. Краснощекову доклад о партизанских корейских частях, которые в селах Красноярово и Мазаново под Свободным насчитывали до 1500 чел. Их начсостав состоял из главварей отрядов, бывших офицеров-корейцев японской и китайской службы, действовавших в Корее и ушедших в ДВР после разгрома японцами. Они продолжали проявлять «настойчивую склонность к неповиновению и не признанию руководителей, назначаемых Дальвостсекретариатом Коминтерна». В апреле-мае отряд в Красноярово был усилен Корейским полком из Иркутска (свыше 500 штыков, комсостав из корейцев-офицеров русской службы был «политически высоко благонадежен, как и весь полк»). Лапин писал, что усиление Сахалинского отряда этим полком придаст «моральную крепость» остальным частям. Однако Каландаришвили, снабженный от главкома увесистым мандатом с правом на аресты, 9 июня 1921 г. сообщил из Свободного, что «кор[ейские] части не подчиняются [ему в] никаком отношении»⁵³.

Получивший должные полномочия амбициозный Каландаришвили, в ответ на неподчинение и опираясь на благонадежный иркутский полк, быстро расправился с сахалинцами как с «контриками». В результате последовавшей июньской «Амурской бойни» в с. Суражевка под Благовещенском, учиненной под руководством грузинского «авторитета» и санкционированной очередным главкомом НРА В. К. Блюхером, убитых, утонувших и пропавших без вести среди мятежников оказалось, по преувеличенным данным современного исследователя, проигнорировавшего криминальность корейских партизан-триапынцев, до 400, а разоруженных и отданных русским частям в качестве военнопленных с ярлыком «контрреволюционера» – 900⁵⁴. С мест в адрес Ленина также сообщалось, что при инциденте погибли сотни партизан, и «корейское население негодует» по поводу расправы над сахалинским отрядом⁵⁵.

Между тем сводка Главного управления Госполитохраны ДВР за 16–19 июля 1921 г., сообщая об инциденте, приводила значительно меньшие цифры потерь корейцев: «В Свободненском районе произошло столкновение Сахалинского отряда, который не подчинился приказу командующего карвойсками о разоружении. Приказ был дан на основании того, что в отряде был контр-революционный элемент. В результате столкновения – из общей численности отряда 1026 человек, сдались 830, остальные [–] часть убита, ранена, часть разбежалась»⁵⁶. Данные НРА ДВР были близки к чекистским и утверждали, что погибло 36 корейцев, утонули в Зее – до 60, пропали без вести – 60, разоружены – 860⁵⁷. Не исключено, что среди «пропавших без вести» преобладали разбежавшиеся и дезертировавшие (И. Пак с 70 бойцами бежал в Маньчжурию, где партизанил вместе с хунхузами). Но также возможно, что официальные сводки не учитывали вероятных расправ над уже разоруженными корейцами, командиры которых попали под следствие трибунала 5-й ар-

⁵² РГВА. Ф. 221. Оп. 1. Д. 376. Л. 86.

⁵³ Там же. Л. 88, 95.

⁵⁴ Пак Б. Д. Корейцы в Советской России (1917 – конец 30-х гг.). М.; Иркутск; СПб., 1993. С. 73–91.

⁵⁵ Булдаков В. П. Утопия, агрессия, власть. Психосоциальная динамика постреволюционного времени. Россия, 1920–1930 гг. М., 2012. С. 601.

⁵⁶ Российский государственный архив социально политической истории (РГАСПИ). Ф. 372. Оп. 1. Д. 114. Л. 68.

⁵⁷ Торкунов А. В. История Кореи (Новое прочтение). М., 2003. С. 303–304.

мии. «Амурский инцидент» значительно усугубил и без того глубокий и многолетний раскол в корейском национально-освободительном движении.

Каландаришвили выполнил частную задачу по дисциплинированию корейской вольницы, по-прежнему являвшейся объектом интереса со стороны большевиков. Дальбюро ЦК РКП(б), которое еще в середине января 1921 г. потребовало «тщательно просеивать на предмет проникновения японских шпионов» всех корейских партизан, проходящих через границу, заслушав 29 июня 1921 г. информацию о вооруженном столкновении корейских отрядов с частями НРА, предложило главкому Блюхеру продолжить работу по использованию корейских отрядов⁵⁸. В этом же смысле высказался и НКИД. В начале июля 1921 г. Г. В. Чичерин отправил в Дальбюро ЦК телеграмму с просьбой сообщить подробности о происшествии с корейскими отрядами: «Очевидно [в] отношении к ним были допущены какие нибудь неосторожные или безтактные действия, дайте подробный обзор всего хода дела. Присутствие корейцев в ДВР неудобно, но не надо распускать их, а надо перевести в Иркутск, где ими будут систематически заниматься и позаботятся о том, чтобы их пребывание там послужило им на пользу»⁵⁹. Между тем корейские части вели себя так же разнузданно, как и ранее: в июле 1921 г. они издевались над населением волостного села Черниговки Амурской области, требуя съестных припасов, отбирая телеги, избивая прикладами и выгоняя из домов за малейшее возражение. В ответ крестьяне называли корейцев «вторыми самураями»⁶⁰.

Разгромом анархичного сахалинского отряда подвиги «Деда» и ограничились, хотя он всерьез намеревался идти в Корею, чтобы разжечь там пламя мировой революции. Однако руководство ДВР смогло пресечь авантюру Шумяцкого, апеллируя к руководству Советской России. Глава правительства ДВР А. М. Краснощеков, получив мнение главкома НРА ДВР А. Я. Лапина⁶¹ и боясь спровоцировать Японию, в июне 1921 г. отправил Г. В. Чичерину и В. И. Ленину телеграмму с протестом против намечавшейся авантюры: «...Категорически протестую против затеи Шумяцкого с корейцами, затеи, которая несет с собой крупнейшую провокацию японцев, тем более что он поставил во главе “похода на Корею” выжившего из ума, известного на всем Востоке партизана Каландаришвили, который с видом и шумом Наполеона уже проехал всю ДВР командовать корейцами. Возмутительные факты: 1) 4000 корейцев сконцентрированы на глазах у японцев у Благовещенска, творят безобразия, грабят, насилуют население, подчиняются только выборному из своей среды командованию; [...] переход старика [Каландаришвили] с корейцами на китайскую территорию для двухтысячестерстного похода на Корею мог зародиться в голове, мягко говоря, поэта, но может вызвать японское наступление, вполне оправданное в глазах Антанты». В ответ НКИД заявил, что эту «авантюру надо ликвидировать и возможно скорее»⁶².

Командуя корейской армией, Каландаришвили везде вел себя как завоеватель и арестовывал кого хотел: так, министр юстиции ДВР Е. А. Трумп 5 октября 1921 г. обращался к Блюхеру с просьбой ускорить ответ на запрос месячной давности относительно сведений по делу ареста партизанами Каландаришвили заведующего корейским отделом Забайкальского облсовета Пак-Маярни. Тот был арестован в середине августа при следовании отряда «деда» через Читу и отправлен в Иркутск. В связи с этим инцидентом Миннац просило Минюст вмешаться ради возвращения только что назначенного и единственного

⁵⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 13. Д. 288. Л. 6, 100 об.

⁵⁹ Там же. Ф. 372. Оп. 1. Д. 87. Л. 153.

⁶⁰ РГВА. Ф. 221. Оп. 2. Д. 44. Л. 207, 213.

⁶¹ Лапин писал: «Насколько я знаю, даже сама Корея не подготовлена к приходу отрядов их сородичей извне. Эту работу имеют [возможность] проделать отправляющиеся в Корею делегаты съезда корейских коммунистов в Иркутске. На благополучное достижение сил Каландаришвилли пределов Кореи я лично смотрю отрицательно» (РГВА. Ф. 221. Оп. 1. Д. 376. Л. 86, 89.)

⁶² Пак Б. Д. Корейцы в Советской России... С. 73–91.

работника корейского отдела, «добытого с большим трудом». Военный Совет НРА ограничился обещанием Группы «сделать запрос»⁶³.

После снятия вопроса о прямом экспорте революции в Корею Каландаришвили освободили от командования корейцами и решили использовать по чисто карательной линии. Благодаря инициативе все того же могущественного покровителя Каландаришвили Б. З. Шумяцкого, «Дедушка» в начале 1922 г. был отправлен с небольшим отрядом в Якутию, почти целиком захваченную повстанцами, возмущенными грубо-террористической и великодержавной политикой руководства автономии. О том, как чувствовали себя большевики на этой территории, говорит тот факт, что красный отряд Когуевского, прорвавшийся в Вилюйск 5 февраля 1922 г., был вынужден идти под «маской белых, пользуясь симпатией населения»⁶⁴. А «Дедушка» явно недооценил это обстоятельство и поплатился: немного не дойдя до Якутска, штаб Каландаришвили 6 марта 1922 г. попал в засаду и был почти целиком перебит мятежниками. И уже 7 марта 1922 г. харбинский «Русский голос» опубликовал информацию об уничтожении Каландаришвили – со ссылкой на сведения японской военной миссии. По мнению И. Я. Строда, нападение на штаб «Деда» оказалось удачным благодаря информации о времени перехода и силах его отряда, переданной мятежникам телеграфистом Тит-Аринского отделения М. Виноградовым; руководил же этой операцией подпоручик Николаев⁶⁵. Из сведений Строда становится понятно, откуда у японцев появилась мгновенная информация об уничтожении штаба Каландаришвили.

Гибель «Деда», его ближайшего помощника М. П. Асатиани, а также военкома Киселева, начальника штаба Бухвалова, начальника разведки Адамского произошла, по мнению руководства Особого отдела Восточно-Сибирского военного округа, вследствие халатного отношения к «основным принципам походного движения войск»: из-за отсутствия дозоров отряд был зажат повстанцами в протоке с двух сторон и после короткого боя потерял 47 человек и обоз. Чекисты отмечали: «Смерть Каландарашвилли вызвала частичный подъем среди партизан его отряда, выразившийся в клятвенных обещаниях отомстить за смерть Деда. С другой стороны, она дала почву для провокационных слухов – о гибели тов. Каландарашвилли, якобы, по вине Якутского отдела ГПУ, что подавляюще действует на сотрудников ГПУ и сильно тормозит работу их среди воинчастей, особенно осведомительную»⁶⁶. Трупы «Дедушки» и его соратников нашли только месяц спустя. Каландаришвили был сначала погребен в Якутске, а осенью 1922 г. перезахоронен в Иркутске.

Нестор Каландаришвили в советское время занял почетное место в пантеоне героев. В его честь названы улицы в ряде сибирских городов, поставлены памятники. Однако на деле в долгой криминально-террористической и военной деятельности «Деда» нет ничего героического. Типичный авантюрист эпохи великой смуты, Каландаришвили до революции, занимая высокое положение в криминальном синдикате кавказцев Иркутска, интересовал полицию только как устроитель афер, организатор заказных убийств, грабитель и производитель фальшивой монеты⁶⁷. Метания между радикальными социалистическими течениями привели «Деда» в ряды большевиков. В годы гражданской войны он выступил на стороне красных как выдающийся и харизматичный полевой командир, организатор крупного отряда, действовавшего прежде всего в корыстных целях и беспощадного как к пленным, так и к мирному населению. Приняв в течение своей карьеры непосредственное участие в трагическом финале жизни тысяч людей, Н. А. Каландаришвили, подобно Г. И. Котовскому, мог рассчитывать на большую военно-политическую карьеру, однако бесславно погиб от руки якутских повстанцев, видевших в нем пришлого носителя военно-коммунистических порядков и кровожадного карателя.

⁶³ РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 15. Л. 389, 390, 394.

⁶⁴ Центральный архив Федеральной службы безопасности России (ЦА ФСБ). Ф. 1. Оп. 6. Д. 297. Л. 28.

⁶⁵ Борьба за власть Советов в Приленском крае (1918–1921). Иркутск, 1987. С. 152.

⁶⁶ ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 684а. Л. 60.

⁶⁷ Сысоев А. «Золото и серебро для чеканки предполагает получать посредством грабежей» // Земля Иркутская. 2008. № 2 (35). С. 98–100.

Список литературы

- Балмасов С. С.* Красный террор на востоке России в 1918–1922 гг. М.: Посев, 2006. 384 с.
- Борьба за власть Советов в Приленском крае (1918–1921) / Под ред. В. Т. Агалакова, С. Ф. Коваля. Иркутск: ИГУ, 1987. 168 с.
- Борьба за Урал и Сибирь. Воспоминания и статьи участников борьбы с учредилкой и колчаковской контрреволюцией / Под ред. И. Н. Смирнова, И. П. Флеровского и Я. Я. Грунта. М.-Л.: Госиздат, 1926. 368 с.
- Булдаков В. П.* Утопия, агрессия, власть. Психосоциальная динамика постреволюционного времени. Россия, 1920–1930 гг. М.: РОССПЭН, 2012. 759 с.
- Ефимов А. Г.* Ижевцы и воткинцы. Борьба с большевиками 1918–1920. М.: Айрис-пресс, 2008. 434 с.
- Звягин С. П.* Освобождение из мест заключения во время гражданской войны: практика антибольшевистских режимов на территории Восточной Сибири (середина 1918 – 1919 г.) // Политические системы и режимы на востоке России в период революции и гражданской войны. Сб. науч. статей / ред. В. И. Шишкин. Новосибирск: Параллель, 2013. Вып. 2. С. 46–160.
- Исповедников Д. Ю.* Публикации документов по истории Гражданской войны на Дальнем Востоке (1917–1923 гг.): источниковедческий и археографический аспекты. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 2015. 28 с.
- Торкунов А. В.* История Кореи (Новое прочтение). М.: РОССПЭН, 2003. 430 с.
- Кожевин В. Е.* Легендарный партизан Сибири. Улан-Удэ: Бурятское кн. изд-во, 1967. 208 с.
- Кузьмин С. Л.* История барона Унгерна: опыт реконструкции. М.: Тов-во науч. изданий КМК, 2011. 659 с.
- Мельгунов С. П.* Трагедия адмирала Колчака. Т. 2. М.: Айрис-Пресс, 2004. 576 с.
- Павлова И. В.* Красная гвардия в период установления советской власти в Сибири // Рабочие Сибири в борьбе за социалистическую революцию и построение социализма: сб. науч. трудов. Новосибирск: новосибирский государственный университет, 1976. Вып. 2. С. 28–44.
- Пак Б. Д.* Корейцы в Советской России (1917 – конец 30-х гг.). М.: Иркутск: СПб.: ИГПИ, 1995. 259 с.
- Партизаны Прибайкалья: воспоминания участников гражданской войны в Бурят-Монголии. Улан-Удэ: Бурят-Монгол. кн. изд-во, 1957. 269 с.
- Познанский В. С.* Очерки истории вооруженной борьбы Советской Сибири с контрреволюцией в 1917–1918 гг. Новосибирск: Наука, 1973. 307 с.
- Пучков Ф. А.* 8-я Камская стрелковая дивизия в Сибирском ледяном походе // Вестник первопоходника. Май 1965 – январь 1966. № 44–52.
- Рябиков В. В.* Иркутск – столица революционной Сибири. Иркутск: Кн. изд-во, 1957. 199 с.
- Сибирская Советская энциклопедия. Новосибирск: Огиз, Зап.-Сиб. отд-ние, 1931. Т. 2. 1152 стб.
- Сысоев А. А.* Уголовная преступность в Восточной Сибири в начале XX века: становление организованных структур // Силовые структуры России: страницы истории. Иркутск: ВСИ МВД России, 2006. С. 82–99.
- Сысоев А. А.* «Золото и серебро для чеканки предполагает получать посредством грабежей» // Земля Иркутская. 2008. № 2 (35). С. 98–100.
- Сысоев А. А.* Уголовный сыск в Восточной Сибири в 1730–1917 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2004. – 246 с.
- Тепляков А. Г.* Каландаришвили Нестор Александрович // Вожаки и лидеры Смуты. 1918–1922 гг. Биографические материалы. М.: АИРО-XXI, 2017. С. 410–413.
- Тумунов Ж.* Хамниганы степной Аги // Забайкальский рабочий. 2006. 27 июня. С. 3.
- Церетели М. В.* Народный герой Нестор Каландаришвили: Воспоминания соратника. Тбилиси, 1965. 143 с.
- Циндик А. А.* Историк С. П. Мельгунов о репрессивной политике адмирала А. В. Колчака // Гражданская война в Сибири: мат-лы Всерос. заоч. научно-практ. конф. Омск, 2013. С. 155.
- Шерешевский Б. М.* Разгром семеновщины (апрель – ноябрь 1920 г.). Новосибирск: Наука, 1966. 238 с.
- Штырбул А. А.* Анархистское движение в Сибири в I-й четверти XX века: Антигосударственный бунт и негосударственная самоорганизация трудящихся: теория и практика. Омск: ОмГПУ, 1996. 203 с.
- Штырбул А. А.* Пережогин, Караев, Лавров и другие: анархо-партизанщина в Сибири в начальный период гражданской войны (весна – лето 1918 г. // «Атаманщина» и «партизанщина» в гражданской войне: идеология, военное участие, кадры. Сборник статей и материалов. М.: АИРО-XXI. 2015. С. 61–81.
- Эдельман О.* Сталин, Коба и Сосо. Молодой Сталин в исторических источниках. М.: ИД НИУ ВШЭ, 2016. 128 с.

*A. G. Teplyakov*⁶⁸

**To the Portrait of Nestor Kalandarishvili (1876–1922):
the Criminal-Adventurer, Partisan and Red Commander**

The article is devoted to the actual problems of the biography of the prominent historical figure of Soviet Siberia and Far East, the partisan and military leader N. A. Kalandarishvili. The life story of this charismatic personality is still based on persistent historical myths and far from reality. Based on the documents found in the central and local archives, the author reconstructs the main outline of the genuine biography of Kalandarishvili; proves that much of the information about the life of this partisan and revolutionary was false as he was hiding criminal aspects of his life both before and after the Revolution. Another aspect shown in the article is Kalandarishvili's role in the activities of the Comintern in the Far East. The life story of N. A. Kalandarishvili provides extensive material about the practices of adaptation and survival of people with criminal inclinations, which enabled them to make remarkable careers during the Civil War.

Keywords: Kalandarishvili, Shumyatsky, crime, East Siberia, Far East, Red Guard, anarchists, partisans, Red terror, white terror, Koreans.

Статья поступила в редакцию 10.08.2018

⁶⁸ **Тепляков Алексей Георгиевич** – Candidate of Sciences (History), researcher, Institute of History of the Siberian Branch of RAS; associate professor (History), Novosibirsk State University of Economics and Management. E-mail: teplyakov-alexey@rambler.ru